

RU

Лексико-семантическая организация юридического дискурса

Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю.

Аннотация. Цель исследования заключается в комплексной характеристике лексических параметров юридического дискурса, коммуникативно-прагматический смысл которого реализуется на структурно-семантическом, содержательно-тематическом уровнях высказывания. Отмечается, что юридический дискурс обладает своеобразными лексико-семантическими особенностями, обусловленными его основным предназначением регламентировать поведение коммуникантов в установленных правом ситуациях институционального общения в соответствии с системой социально-ролевых характеристик, предписаний, указаний, требований и норм поведения. Научная новизна заключается в выявлении дискурсивно-семантических закономерностей формирования институционального общения, основанного на лексико-семантической организации юридического дискурса. В результате было установлено, что лексический континуум юридического дискурса соответствует стилистическим нормам современного русского литературного языка. Лексические средства, являясь вербальными формулами трактовки сущности правовой коммуникации, занимают особое место в юридическом дискурсе и специфически отражают его значимые элементы.

EN

Lexico-Semantic Organisation of Legal Discourse

Vorontsova J. A., Galieva D. A., Khoroshko E. J.

Abstract. The study aims to provide a comprehensive characteristic of lexical parameters of legal discourse, the communicative-pragmatic meaning of which is realised at the structural-semantic, content-thematic levels of the utterance. It is noted that legal discourse has peculiar lexico-semantic features due to its main purpose to regulate the communicants' behaviour in situations of institutional communication established by law in accordance with the system of social role characteristics, prescriptions, instructions, requirements and standards of conduct. Scientific novelty lies in identifying the discursive-semantic patterns of institutional communication formation based on the lexico-semantic organisation of legal discourse. As a result, it has been found that the lexical continuum of legal discourse conforms to the stylistic norms of the modern Russian literary language. Lexical means, being verbal formulas of interpretation of the essence of legal communication, occupy a special place in legal discourse and specifically reflect its significant elements.

Введение

Дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, описывается в социолингвистическом, прагмалингвистическом, лингвосемантическом и других аспектах, рассматривается с разных позиций, например с точки зрения дисциплинарной принадлежности, наличия категориально-семантических границ, особенностей функционирования и т.д., характеризуется полисемантической и полифункциональностью и связывается с разнообразными аспектами речевой деятельности человека, поэтому четкого и общепризнанного определения термина «дискурс» не сложилось. Большинство работ, посвященных анализу дискурса, базируются на описании его типовых параметров, при этом, по мнению В. И. Карасика (2016, с. 20), учитывается модель языка (статическая/динамическая); коммуникативная ситуация с точки зрения культурного контекста; доминантная роль человека в коммуникативной ситуации; стадии коммуникации (докоммуникативная/посткоммуникативная); продукт коммуникации (порождение и интерпретация текста).

В процессе дискурсивной деятельности сотрудники полиции осуществляют вербализацию правовой деятельности и правовых отношений. Юридический дискурс – это нормативно-институциональная система, основная функция которой заключается в документировании процессов регулирования общественных отношений в социуме, это основная коммуникативная единица общения сотрудников полиции в служебной деятельности. Данными посылками продиктована необходимость научного изучения юридического дискурса как основы правовой коммуникации в профессиональной деятельности органов внутренних дел.

В этой связи представляются актуальными описание юридического дискурса и установление его основных лексико-семантических параметров в рамках коммуникативно-прагматического и дискурсивного контент-анализа.

Предметом описания в работе стал лексико-семантический уровень юридического дискурса.

Концептуальными теоретическими ориентирами исследования стали труды, которые базируются на основных положениях теории дискурса (Карасик, 2016; Федулова, 2014); анализируют понятие «юридический дискурс» (Борисова, 2016; Косоногова, 2008; Кожемякин, 2011; Палашевская, 2010; Федулова, 2015); ориентируются на коммуникативное понимание юридического дискурса и представляют его комплексный теоретический анализ, выявляют специфические особенности, основные характеристики и структурные элементы (Борисова, 2016; Косоногова, 2015; Карасик, 2016; Кожемякин, 2011; Палашевская, 2010; Хомутова, Шефер, 2019); реализуют вектор рассмотрения стилистических, лексических и грамматических параметров институциональной коммуникации (Викulina, 2019; Голев, Иркова, 2020; Кожемякин, 2011; Крысин, 2008; Кустова, 2004; Лобашевская, 2007; Торгашева, 2011).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при изучении профессионально ориентированных учебных дисциплин «Русский язык в профессиональной служебной деятельности», «Русский язык в деловой документации. Культура речи» в образовательных организациях системы МВД России.

Задачами данного исследования являются: изучение, обобщение и систематизация параметров юридического дискурса; определение дискурсивно-семантических закономерностей формирования юридического дискурса; выделение основных лексических категорий, характерных для юридического дискурса.

При описании исследовательского материала использовался комплекс теоретических, эмпирических и практических методов и приемов: описательный метод (лингвистическое наблюдение, интерпретация языкового материала, обобщение), сопоставительный метод, метод дискурсивно-семантического анализа текста и семантики лексических единиц и другие. В целом методическая система основана на концепции функционально-коммуникативного подхода.

Материалом исследования послужили служебные, процессуальные, законодательные документы, составляющие основу юридического дискурса, а также следующие словари: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966; Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка / под ред. чл.-кор. АПН СССР, проф. Н. М. Шанского. Тбилиси, 1972.

Основная часть

Базовым конструктом юридического дискурса является институциональное общение во внеязыковой действительности, так как «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей» (Карасик, 2016, с. 29).

Институциональный характер юридического дискурса подчеркивается в трудах Л. А. Борисовой (2016); В. И. Карасика (2016); О. В. Косоноговой (2008; 2015); И. В. Палашевской (2010); М. Н. Федуловой (2014; 2015); Т. Н. Хомутовой, Е. А. Шефер (2019). Поэтому семантическая интерпретация термина «юридический дискурс» в большинстве трактовок отличается ограниченностью. В современной научной парадигме юридический дискурс позиционируется как целеустремленное речевое действие, которое характеризуется целостностью, логической завершенностью, директивностью и официальностью; организуется в соответствии с определенными стандартами, осуществляется в нормативной ситуации, юридический дискурс санкционируем; статусно ориентирован; имеет определенную целевую установку; связан с исполнением строго регламентированных действий; функционирует в пределах правовой коммуникации (Борисова, 2016; Карасик, 2016; Кожемякин, 2011; Косоногова, 2008; Палашевская, 2010; Сафронова, 2016; Торгашева, 2011).

Представим схематично типологию юридического дискурса, составленную на основе научных исследований (Рисунок 1).

Коммуникативно-прагматический смысл юридического дискурса реализуется на структурно-семантическом, содержательно-тематическом и языковом уровнях высказывания. При этом «дискурсивные стратегии выбора языковых форм для выражения коммуникативного значения и осуществления коммуникативных действий обусловлены интенцией участников общения, существованием конвенционализированных способов выражения этой интенции, значением и функциями используемых языковых средств, контекстными параметрами ситуации общения и жанровыми особенностями дискурса, а также социальными и культурными факторами, определяющими структуру и свойства коммуникативной ситуации и характеристики коммуникантов» (Кубрякова, Цурикова, 2008, с. 202).

Ключевым, наиболее информативным элементом всего корпуса пространства юридического дискурса является терминология.

Термины создают основной смысловой фундамент юридического дискурса. Юридические термины – это обобщенные наименования юридических понятий. С помощью терминов достигается точное и ясное формулирование правовых предписаний, обуславливается максимальная лаконичность текста, а вместе с тем однозначность и доступность его восприятия. Например, Н. Д. Голев, А. В. Иркова (2020), анализируя лексический состав текста закона с учетом «степеней юридизированности значения лексем» (с. 23), в качестве основных выделяют следующие разряды лексем: околуюридические (*сведения, информация, достоинство, здоровье*), предтерминологические (*гражданин, угроза, нецензурная брань*), собственно юридические (*вменение, лишение свободы*), юридизированные собственные имена (*Федеральный закон, Семейный кодекс*).

Рисунок 1. Типология юридического дискурса

Терминология, функционирующая в юридическом дискурсе, является отражением действительности. Отметим некоторые особенности употребления терминов в юридической практике:

1. Подвергается терминологизации лексика общеупотребительного языка (*защитник, жертва, обвинение, жалоба, вещи, собственность, владение, вред, риск*). Причем граница между терминологической и общеупотребительной лексикой «нестабильна и имеет не исторический, а функциональный характер» (Гринева-Гринева, 2008, с. 26).

В подобных ситуациях «язык юридического дискурса занимает доминантную позицию по отношению к языку бытового дискурса: только официально-закрепленная трактовка юридических терминов представляется правильной, в то время как обыденная интерпретация априори номинируется как неверная» (Федулова, 2014, с. 21).

2. Функционирует как специальная юридическая терминология (*исковая давность, процессуальные сроки*), так и термины из той области, которую регулирует закон (*химическое соединение, порошок*).

3. Используются иностранные термины (*эксцесс, амнистия, экоцид*). Чаще всего иностранные слова фигурируют в законодательных текстах. Например: *В тех случаях, когда имеются основания для вилдикации, реституции, договорного деликтного и иного иска специального характера, имущество подлежит истребованию посредством такого иска, при этом нормы главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации применяются лишь субсидиарно* (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2022 № 12-КГ22-3-К6).

4. Преобладают составные термины (*нравственные страдания, безвестно отсутствующий, принятие к своему производству, более строгое наказание, возмещение вреда, умышленные противоправные действия, корыстные*

побуждения, предварительный сговор, инкриминируемое деяние). Подобные терминологические словосочетания подчеркивают регламентированность коммуникации, отражают процесс ее стандартизации, обеспечивают смысловую точность, характерную для юридического дискурса.

Терминологически устойчивые обороты становятся универсальным средством выражения нормирования, регулирования и принуждения в юридическом дискурсе, таким образом обеспечивается точность, объективируется юридически значимая информация, создается перформативная ориентированность коммуникации. Например: *Прошу принять меры к возвращению телефона Семакову И. И.; Допустить Абросимова Г. Г. в качестве законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого Лаврикова С. С.; Сотрудниками полиции незамедлительно на территории региона и близлежащих областей были приняты меры к розыску подозреваемых; В соответствии со ст. 30.1 КоАП РФ вынесенное должностным лицом постановление по делу об административном правонарушении...; Прибывшими полицейскими тело мужчины было обнаружено неподалеку от дома с признаками насильственной смерти* (Колоколов Н. А. Образцы процессуальных документов. Досудебное производство / под общ. ред. А. А. Толкаченко. М.: Юрайт, 2014). Как видно, в данных примерах типичные правовые ситуации, реализующие юридические дискурсивные практики, демонстрируют устойчивость номинаций и выполняемых в их границах действий. «Стереотипизация правовых понятий предполагает процесс обобщения и схематизации преобладающих в том или ином обществе образов и оценок, связанных с неким понятием, относящимся к области права. Правовое понятие фиксирует при помощи единиц естественного языка определенное знание о стереотипных событиях и ситуациях в сфере правоотношений» (Викulina, 2019, с. 11-12).

Юридическая терминология является маркером эталонного или девиантного поведения, тем самым обеспечивая однозначную интерпретацию содержания текста. «Однозначность, константность использования, экспрессивная нейтральность – эти свойства терминологии позволяют закрепить за объектами юридического дискурса определенные толкования и представления, избегая, таким образом, нежелательных интерпретаций и строго обозначая область, содержание и характер действия права» (Федулова, 2014, с. 21).

Содержание значительной группы объектов юридического дискурса основывается на абстрактных представлениях, обозначающих отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния, они позволяют «обобщать и отождествлять объекты, идеализировать их, фиксировать их существенные свойства, а также определять их потенциальную осуществимость» (Федулова, 2015, с. 56). В юридическом дискурсе можно встретить абстрактные слова, которые обозначают отвлеченные понятия (*зависть, неприязнь, страх, опасение, ревность*), признаки (*чистота*), состояние (*спокойствие, отчаяние*), действия (*возбуждение, увлечение*).

Подчеркнем, что абстрактные понятия юридического дискурса не всегда имеют однозначное содержание и чаще имеют условный, общепринятый, соответствующий традициям характер, например: *право, наказание, справедливость, доказательство, истина, вина, клевета, честь, правосудие* и др. Абстрактные лексические единицы (*никто, во всех случаях, любой, все, всякий, каждый, везде* и др.) формируют не только обобщающую направленность юридического дискурса, но и подчеркивают абсолютное и универсальное распространение закона. Например: *Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения* (Конституция РФ); *В результате схода 15 порожних вагонов грузового состава из 53 вагонов, следовавшего сообщением «Нижний Бестях – Алдан», никто не пострадал, имеется повреждение путей* (из процессуальных документов).

В юридическом дискурсе функционируют разговорные слова, лишённые эмоциональной окраски именно в этой сфере, например *пособник* (п. 5 ст. 33 УК РФ), *попрошайничество, бродяжничество* (ст. 151 УК РФ), *дедушка, бабушка* (ст. 67, 94 СК РФ; ст. 89 УИК РФ).

Лексические единицы имеют семантическую и стилистическую валентность, то есть обладают способностью сочетаться с другими словами. Лексическая сочетаемость определяется «семантической системой языка» (Кустова, 2004, с. 200). В юридическом дискурсе словоупотребление характеризуется ограничением сочетаемости слов, например: *следственные действия, подобные действия, конкретные действия; меры поощрения, меры наказания, меры пресечения; движимое имущество, недвижимое имущество, наследственное имущество, конфисковать имущество; корыстные побуждения; применение насилия; непроверяемое доказательство; клеветнические сведения; разумная достаточность*.

По мнению Л. П. Крысина (2008, с. 120-124), узус и социальные условия употребления являются обуславливающим фактором ограничения сочетаемости слов. Например: *Доказательств существенных страданий, которые могли бы обусловить взыскание компенсации морального вреда в большей сумме, не приведено* (Решение № 2-1974/2020 2-304/2021 2-304/2021(2-1974/2020);-М-1555/2020 М-1555/2020 от 5 марта 2021 г. по делу № 2-1974/2020).

Иногда словоупотребление приводит к диссонансу лексической сочетаемости, например: *обременять имущество, отчуждать имущество* (ст. 209 ГК РФ); *поворот исполнения решения суда* (ст. 443 ГПК РФ); *обращение отходо* (Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022)); *совершенное невиновно* (ст. 28 УК РФ); *надлежащая/ненадлежащая сторона* (ст. 41 ГПК РФ); *злонамеренное соглашение* (ст. 179 ГК РФ); *место отбывания лишения свободы* (ст. 73 УИК РФ); *разумный срок* (ст. 6.1 УПК РФ).

В юридическом дискурсе функционируют различные лексические категории, к числу которых относятся синонимы, антонимы, паронимы, омонимы. Рассмотрим данные единицы подробнее.

Антонимы традиционно понимаются как слова с противоположным значением, характеризующиеся наличием тождественного компонента, называющие различные семантические признаки одного и того же понятия. Юридический дискурс характеризуется частотным использованием антонимических комплексов, так как они опосредствуют противоположные интересы, права и обязанности, тем самым способствует обозначению различных видовых признаков одного и того же понятия: *купля – продажа; возмездно – безвозмездно;*

причинение легкого вреда здоровью – причинение тяжкого вреда здоровью; причастность к преступлению – непричастность к преступлению; установленное лицо – неустановленное лицо;отяажчающие обстоятельства – смягчающие обстоятельства; движимое – недвижимое (имущество).

Отметим, что функции и содержание антонимических значений обусловлены их ролью организаторов семантического пространства правового текста, на их основе образуются термины, которые используются не в качестве противопоставления слов, семантические компоненты которых обозначают одну и ту же сущность, а как противопоставление смысловых содержаний слов, обозначающих две разные сущности не по одному, а по многим семантическим признакам (Словарь лингвистических терминов; Ключева, 1956; Словарь антонимов русского языка). Например: *В п. 15 Обзора практики Конституционного суда Российской Федерации... разъяснено, что положения ст. 1064 ГК РФ предполагают возможность полного либо частичного возмещения частным обвинителем вреда в зависимости от фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о добросовестном заблуждении или же, напротив, о злонамеренности, имевшей место в его действиях, а также с учетом требований разумной достаточности и справедливости...* (Обзор практики Конституционного суда Российской Федерации, 2013 г.).

На основании статьи 55 (часть 1) Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ГПК РФ).

Характерной чертой юридического дискурса являются синонимы, которые демонстрируют семантическое и стилистическое различие терминов, при этом каждая из единиц номинативного ряда отражает специфическое содержание, например: *конфискация, изъятие, отчуждение, лишение, отбирание, взыскание, изъятие, отнимание, отнятие, отобраение, отымание, реквизиция*. В данном случае дифференцирующим признаком, определяющим семантику лексических единиц, является «принудительность».

Употребление синонимов в юридическом дискурсе может зависеть от условий коммуникации. Поэтому синонимы могут различаться:

1. Компонентами лексического значения: *похитить – ограбить*: общий компонент смысла ‘присвоить чужое’, но *похитить* имеет компонент ‘тайно унести, увести или увезти; выкрасть’, а *ограбить* – ‘отнять чье-л. имущество, чью-л. собственность, применяя угрозы, насилие, разбой; довести до нищеты, разорить (поборами, обманом, налогами и т.п.)’; ср. также слова *преступник – мошенник – вор – убийца – бандит – жулик – злодей – разбойник – злоумышленник – грабитель – осужденный*.

2. Стилем употребления: *в пьяном виде – в состоянии алкогольного опьянения, клевета – клеветнические размышления, обыскать – произвести обыск, ударить – нанести удар*.

3. Сочетаемость с разными словами, которая может не совпадать частично (*завладение имуществом, общим вниманием, инициативой – захват имущества, власти, человека*) или полностью (*коричневый костюм – русые волосы*).

4. Степенью современности: *злodeяние – преступление*.

5. Сферой употребления: *жилое помещение – кубрик (проф.), вешалка – тремпель (диал.), деньги – бабки, бабло, рубасы, бобосы (жарг)*.

6. Управлением: *характерный для кого/чего – свойственный кому/чему*.

В юридическом дискурсе употребление синонимических единиц ограничено, что обусловлено требованием смысловой точности в правовой коммуникации. Например: *участие – членство, товары, работы, услуги – гражданский оборот, несовершеннолетний – малолетний*.

Некоторые термины могут вступать в синонимические семантические отношения: *процесс – действие; криминальный – уголовный – преступный; вердикт – решение; вред здоровью – травма – телесные повреждения*.

Следует отметить, что в юридическом дискурсе устойчивые сочетания типа *совершить нападение, произвести арест, оказать содействие* и т.п. обычно не замещаются соответствующими глаголами *напасть, арестовать, содействовать*.

В юридическом дискурсе отмечается немногочисленное количество омонимов, характеризующихся различием плана содержания и совпадением плана выражения, например: *заключение под стражу, предварительное заключение, заключение эксперта, заключение прокурора; болезнь была следствием травмы – следствием установлено; привод задержанных – электрический привод; собственная дача – дача показаний; зарегистрированный брак – брак продукции; привести доказательства – привести друга; рейд сотрудников ГИБДД – рейд для разгрузки судов*.

Паронимы также являются неотъемлемым атрибутом юридического дискурса, они могут приобретать терминологический характер, например: *вина – виновность – виноватый; вменение – вменяемый; останки – остатки; опасный – опасливый; законодательный – законодательский; обвинительный – обвинительский* и др., при этом лексические значения компонентов паронимической пары разграничиваются.

Тавтология как упорядочивающий прием является организующим фактором семантического пространства юридического дискурса. Большинство текстов манифестируются тавтологическими элементами. Более того, на сквозном использовании тавтологии могут строиться обширные фрагменты, а также тексты целиком. Например: *Из положений ст. 1100 ГК РФ следует, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ГК РФ).*

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ допускается обжалование в судебном порядке постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иных решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (УПК РФ).

Для выражения профессионально маркированного содержания тавтология становится семантически мотивированным средством обеспечения точности.

Таким образом, юридический дискурс – это сложный конгломерат лингвистических и экстралингвистических средств, составляющих основу профессиональной деятельности в правовой коммуникации и способствующих правильному оформлению юридически значимой информации. Экспликация диктумного содержания осуществляется с помощью дискурсивно-семантических формул юридического дискурса с учетом требований служебной деятельности сотрудников полиции, поэтому профессионально ориентированным лексическим средствам отводится доминантная роль в формировании семантического пространства институционального дискурса.

Заключение

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

Юридический дискурс представляет собой статусно ориентированное взаимодействие его участников в определенных правом ситуациях институциональной коммуникации в соответствии с установленной системой социально-ролевых характеристик, предписаний, указаний, требований и норм поведения. Вся характерная для юридического дискурса совокупность языковых средств обеспечивает реализацию основной его цели – упорядочения отношений между гражданами.

Лексический уровень юридического дискурса обусловлен требованиями структурирования совокупности языковых единиц в соответствии с речевой ситуацией в целях обеспечения желаемого коммуникативного эффекта, поэтому он чаще всего представлен следующими единицами: терминами и терминологическими устойчивыми комплексами: *вменение; предварительный сговор, признаки насильственной смерти; установить обстоятельства произошедшего; раскаться в содеянном*; инвариантной моделью сочетаемости слов: *заключить под стражу; закрепить доказательства; дать явку с повинной*; лексическими комплексами (синонимами, антонимами, паронимами, омонимами): *преступление – противоправное деяние – правонарушение; виновность – невиновность; останки человека – остатки еды; заключение брака – обнаружение брака*; тавтологическими элементами: *получать копии принесенных по уголовному делу жалоб и представлений и подавать возражения на эти жалобы и представления*.

Перечисленные языковые особенности в совокупности образуют своеобразную лексическую систему, функционирование которой регулируется определенными правилами. Лексический континуум юридического дискурса соответствует стилистическим нормам литературного языка. Лексика является важным структурно-семантическим компонентом юридического дискурса, на ее базе строится весь тезаурус внешнего и внутреннего институционального общения, определяются установки, стандарты, нормы.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в выявлении грамматических особенностей юридического дискурса как основной формы реализации правовой коммуникации.

Источники | References

1. Борисова Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. 2016. № 14.
2. Викулина М. А. Стереотипизация названий нормативно-правовых актов (на примере “Title VII of the Civil Rights Act 1964”) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829).
3. Голев Н. Д., Иркова А. В. Сплошной синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава текста закона (на материале статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452.
4. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008.
5. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21).
6. Ключева В. Н. Проблема антонимов // Ученые записки Московского педагогического института иностранных языков. 1956. Т. 9.
7. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрлингвистика. 2011. № 1 (11).
8. Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 1.
9. Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2.
10. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Языки славянской культуры, 2008.

11. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008.
12. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Лобашевская И. С. Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Гуманитарные науки. 2007. № 2.
14. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 5-2.
15. Сафронова Т. С. Особенности понятия «юридический дискурс» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5-4.
16. Торгашева М. В. Функционально-стилистические особенности юридического дискурса // Юрислингвистика. 2011. № 11.
17. Федулова М. Н. Предметно-тематический и жанровый аспекты лингвистического определения категории «Дискурс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2014. № 2.
18. Федулова М. Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 4 (4).
19. Хомутова Т. Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2019. № 3.

Информация об авторах | Author information

RU**Воронцова Юлия Александровна¹**, к. филол. н., доц.**Галиева Дина Аслямовна²**, к. филол. н., доц.**Хорошко Елена Юрьевна³**, к. филол. н., доц.^{1,3} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина² Уфимский юридический институт МВД России**EN****Vorontsova Julia Aleksandrovna¹**, PhD**Galieva Dina Aslyamovna²**, PhD**Khoroshko Elena Jurevna³**, PhD^{1,3} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia named after I. D. Putilin² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia¹ vorontsova73@mail.ru, ² galieva_dina@mail.ru, ³ e-letto@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): юридический дискурс; институциональная коммуникация; термины; лексическая сочетаемость; лексические категории; legal discourse; institutional communication; terms; collocability; lexical categories.